

ДАМСКІЯ МОДЫ XIX ВѢКА

ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОНОГРАФІЯ

О ЖЕНСКИХЪ НРАВАХЪ И ВКУСАХЪ

Съ многочисленными рисунками, иллюстрирующими эволюцію
женскаго туалета съ 1797 по 1898 гг.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ

„Новаго Журнала Иностранной Литературы“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Златост. пер., 13
1899

Дозволено цензурою 11 октября 1899 г. С.Петербургъ.

ДАМСКІЯ МОДЫ XIX ВѢКА

Во всѣхъ странахъ свѣта и во всѣ эпохи мода и ея безчисленныя измѣненія играли большую роль въ жизни человѣчества. Если бѣ кому-нибудь вздумалось составить полный библиографическій указатель изданій, посвященныхъ исторіи модъ и костюмовъ, то всѣ были бы поражены, до чего этотъ вопросъ занималъ самые серіозные и положительные умы. Люди строгихъ правилъ, ученые, даже суровые монахи посвящали свое время и трудъ изслѣдованію этого вопроса, признавая его важнымъ факторомъ въ развитіи общественной жизни народовъ. Дѣйствительно, ничто не является болѣе типичнымъ и живописнымъ, болѣе соответствующимъ характеру, духу и нравственности извѣстнаго народа или извѣстной эпохи, чѣмъ господствующія тогда моды и обстановка. Одежда и манера одѣваться вліяютъ очень сильно на литературу, живопись и скульптуру. Ихъ

вліяніе отражается даже на идеяхъ, языкѣ и политической экономіи націи. Наука и медицина не могутъ также игнорировать вопроса о костюмахъ. Такимъ образомъ, одежда, украшеніе и обстановка, по словамъ Шарля Блана, являются серіознымъ предметомъ изученія для философа и точнымъ опредѣленнымъ указателемъ господствующихъ идей данныхъ эпохъ. Кромѣ того, частая измѣнчивость моды есть необходимость, такъ какъ это самый естественный налогъ, налагаемый промышленностью бѣдняковъ на тщеславіе богачей. Франція была и есть съ незапамятныхъ временъ создательницей и законодательницей модъ. Она сумѣла заставить и другія націи подчиниться вѣчной измѣнчивости моды, постоянной перемѣнѣ не только покроя одеждъ, но и всей обстановки. Поэтому-то, знакомясь съ исторіей французскихъ модъ, вы знакомитесь и съ исторіей модъ всей Европы.

I.

Послѣдніе дни XVIII-го вѣка.

Великая французская революція, порвавъ со всѣми старыми традиціями, создала новыя эстетическія понятія объ одеждѣ и украшеніяхъ, и изъ этихъ-то понятій произошли всѣ разнообразныя моды нашего столѣтія. Первоначально, подъ вліяніемъ господствующихъ идей этой только-что освободившейся отъ многовѣкового гнета націи, моды вдохновлялись языческой міеологіей, старались приблизиться къ природѣ, освободить формы, яснѣе опредѣлить контуры человѣческой фигуры, однимъ словомъ, сдѣлать костюмы возможно болѣе свободными и соответствующими идеалу греческой красоты. Революція, уничтожившая такъ много предразсудковъ и традицій, уничтожила и господство женщинъ. Клубы, уличныя собранія замѣнили салоны, и казалось, что умъ, грація, изящество и остроуміе

французовъ погибли въ страшные и кровавые дни Террора. Наконецъ, вся нація пришла въ ужасъ отъ этихъ потоковъ крови, проливаемыхъ во имя свободы, наступила реакція, и Директоріи съ первыхъ же дней пришлось

1797 г.

создавать общество и общественную жизнь, прилагая при этомъ всѣ старанія, чтобы изгладить, да же стереть изъ памяти всѣ пережитые страшные дни. Всѣмъ казалось совершенно нормальнымъ и естественнымъ, что увеселенія, зрѣлища, игры вновь возродились, всѣ старались забыться, разсѣяться, страх-

нуть съ себя стѣсненіе, наложенное строгими декретами Конвента, желавшаго ввести строгость нравовъ и соціальныя законы, господствовавшіе въ Римской республикѣ въ первые годы ея основанія. Наступило какое-то междуцарствіе нравственности.

Директорія вновь возвела женщину на тронъ красоты и любви, она стала опять легкомысленной владчицей общества, но общества тревожнаго, лихорадочнаго, преданнаго ажіотажу (игра биржевая на повышеііе и понижеііе бумагъ) и низменнымъ страстямъ, аппетита котораго, сдерживаемые такъ долго страхомъ и казнями, теперь разыгрались во-всю. Желаніе нравиться преобладало у женщины надъ всѣмъ. Не стало больше запретныхъ плодовъ въ этомъ раю паганизма; вся тактика любви сводилась къ тому, что-

1797 г.

бы возбуждать желанія и тотчасъ же ихъ удовлетворять. Бракъ, превратившись въ простой гражданскій актъ, сталъ считаться только временнымъ обязательствомъ, да при томъ разводъ такъ легко развязывалъ эти непрочные союзы. Женщина той эпохи, по

словамъ братьевъ Гонкуровъ, «переходила отъ одного мужа къ другому въ погонѣ за новымъ счастьемъ, за новыми ощущеніями. Она пускалась въ обращеніе, какъ красивый товаръ. Она была женой, пока ей это не надоѣдало, — матерью, пока ее это забавляло. Мужъ, съ своей стороны, переходилъ изъ однихъ объятій въ другія; разводились изъ-за пустяка; женились для того, чтобы развестись; разводились для того, чтобы вновь жениться». Страсть къ танцамъ овладѣла всѣми слоями общества; едва убрали эшафоты, какъ во многихъ мѣстахъ столицы открылись балныя залы. Веселые звуки скрипокъ, флейты, кларнета и тамбурина приглашали пощаженныхъ страшнымъ Терроромъ предаваться удовольствію танцевъ, и толпы посѣтителей просто осаждали балныя залы; повсюду, гдѣ только были зала, садъ или площадь, устраивали балы, — такъ, напримѣръ, плясали на мѣстѣ упраздненнаго кладбища св. Сюльпиція; многія надгробныя плиты не были убраны, но это сосѣдство смерти нисколько не смущало танцующую молодежь. Страсть къ танцамъ превратилась въ какую-то эндемію, усиливающуюся съ каждымъ днемъ. По предложенію Буасси д'Англаса, былъ вотированъ декретъ, по которому возвращались наслѣдникамъ казненныхъ и осу-